

**СЕМАНТИКА И СЕЛЕКТИВНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ
ЛЁГКОГО ГЛАГОЛА *рəрак* ‘БРОСИТЬ’
В ПОШКАРТСКОМ ДИАЛЕКТЕ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА***

Ф. В. Голосов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Статья посвящена семантике и дистрибуции лёгкого глагола *рəрак* ‘бросить’ в пошкартском диалекте чувашского языка. В статье даётся детальное описание селективных ограничений лёгкого глагола и акциональных свойств образованных сложных глаголов. Кроме того, автор предлагает вариант формального структурно-событийного анализа конструкций с *рəрак*, предсказывающий описываемые сочетаемостные особенности лёгкого глагола и его акциональную семантику.

Ключевые слова: сложные глаголы, лёгкие глаголы, сериализация, грамматикализация глагола со значением ‘бросить’, акциональность, структура события, чувашский язык.

* В данной научной работе использованы результаты проекта «Информационная структура и её интерфейсы: синтаксис, семантика, прагматика», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 году.

Автор выражает благодарности С. Г. Татевосову, А. В. Подобряеву, А. А. Козлову и М. А. Холодиловой за помощь в работе над статьёй. Все возможные ошибки остаются на совести автора.

SEMANTICS AND SELECTIONAL RESTRICTIONS OF THE LIGHT VERB *pərak* ‘THROW’ IN POSHKART CHUVASH*

Fedor Golosov

National Research University Higher School of Economics

The article is dedicated to semantics and distribution of the light verb *pərak* ‘throw’ in Poshkart Chuvash. Author gives a detailed description of selectional restrictions of the light verb and actional properties of the formed complex predicates. Besides that, author suggests possible formal event-structure analysis of the constructions with *pərak* which would predict both established distributional properties of the light verb and its actional meaning.

Keywords: complex predicates, light verbs, serialization, grammaticalization of a verb with meaning ‘throw’, actionality, event structure, Chuvash.

* The results of the project “Information structure and its interfaces: syntax, semantics and pragmatics”, carried out within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2020, are presented in this work.

Author thanks S. Tatevosov, A. Podobryaev, A. Kozlov and M. Kholodilova for their help with working on the article. Author is responsible for all possible mistakes.

1. Введение

В чувашском языке есть так называемые сложные глаголы — конструкции, состоящие из двух глагольных форм, но описывающие одно событие. Пример сложного глагола можно видеть в (1):

- (1) *vaçə* *çur-za* *ka-r^j-ə*
 Вася спать-CV_SIM уйти-PST-3SG
 ‘Вася уснул.’

Сложный глагол состоит из деепричастия, задающего лексические свойства ситуации (далее **лексического глагола**), и главного глагола, выступающего в роли структурно-семантического модификатора (далее **лёгкого глагола**). Так, в примере (1) сложный глагол *çurza kaj* ‘уснуть’ состоит из лексического глагола *çur* ‘спать’, описывающего состояние сна, и лёгкого глагола *kaj* ‘уйти’, выступающего в качестве акционального модификатора, образующего сложные глаголы, описывающие вхождение в некоторое состояние. В результате взаимодействия частей сложный глагол получает значение ‘войти в состояние сна’, то есть ‘уснуть’.

В чувашском языке, как и во многих языках тюркской группы [Гращенков 2015], грамматикализовалось большое количество лёгких глаголов, функционирующих как акциональные, директивные и валентностные операторы, см, например, [Шлуинский 2006; Лебедев 2016; Golosov (in press)]. Настоящая статья посвящена семантике и дистрибуции лёгкого глагола *pərak* ‘бросить’ в пошкартском диалекте чувашского языка, образующего предельные сложные глаголы:

- (2) а. *vaçə* *avdan-a* *për minut xoş-in-ǵe*
 Вася петух-ОБВ 1 минута период-Р_3-LOC

pula-za *pərak-r^j-ə*
 душить-CV_SIM бросить-PST-3SG

‘Вася задушил петуха **за минуту**.’

- б. **vaçə* *avdan-a* *për minut xoş-i*
 Вася петух-ОБВ 1 минута период-Р_3

pula-za *pərak-r^j-ə*
 душить-CV_SIM бросить-PST-3SG

Ожид. зн.: ‘Вася подушил петуха **минуту**.’

Материал для нашего исследования был собран в ходе экспедиции в село Малое Карачкино (Пошкарт) Ядринского района республики Чувашия в марте 2020 года.

Структура статьи имеет следующий вид. За вводным разделом 1 следует раздел 2, посвящённый краткому обзору литературы по лёгкому глаголу *pərak*. В разделе 3 мы приведём систематизированное описание данных, а в разделе 4 предложим формальный анализ сложных глаголов с *pərak*. Наконец, раздел 5 будет посвящён общим выводам.

2. Обзор литературы

Впервые чувашский глагол *пăрах*¹ 'бросать' упоминается в работе Н. И. Ашмарина [1898], где перечисляется среди вспомогательных глаголов, передающих значение русского вида. Более подробный комментарий Ашмарин даёт в своей более поздней работе [Ашмарин 1923], в которой он пишет, что глагол *пăрах* 'бросать' «сообщает смысл бросания, швыряния, резкого, грубого или поспешного выполнения действия, иногда также указывает на что-либо, случающееся некстати» [ibid: 49].

Лёгкий глагол *пăрах* упоминается и в монографии Э. Е. Лебедева [2016], в которой автор подробно рассматривает различные акциональные значения лёгких глаголов, обращая внимания на то, как они ведут себя в сочетании с разными семантическими классами лексических глаголов. Глагол *пăрах* 'бросить', согласно Лебедеву, имеет фазовые значения и сочетается с глаголами двух семантических групп: глаголами физического воздействия на объект (например, *пăв* 'душить') и глаголами «чувственного» воздействия на объект (например, *юрат* 'любить').

Таким образом, благодаря уже имеющейся литературе, посвящённой лёгкому глаголу *пăрах* 'бросить', мы можем предположить, что он грамматикализовался в некоторый аспектуальный показатель, который сочетается с двумя группами глаголов: глаголами физического и эмоционального воздействия на объект, а также передаёт значение быстроты действия и обладает негативными коннотациями. Однако изложенные выше обобщения сформулированы достаточно общо и нестрого, кроме того, никакие выводы о селективных ограничениях не подкрепляются отрицательным

¹ Ввиду фонетических различий между пошкартским и литературным чувашским и разницы в конвенциональной записи примеров литературный вариант глагола *pərak* выглядит как *пăрах*.

материалом. Наконец, все упомянутые выше работы имеют скорее описательный характер и не ставят перед собой цели предложить теоретическое осмысление полученных данных.

В нашей работе мы постараемся продвинуться именно в этих двух направлениях, а именно предложим более детальное описание селективных ограничений лёгкого глагола *pərak* ‘бросить’ и его семантики и построим структурно-событийный формальный анализ сложных глаголов с *pərak*, который бы предсказывал установленные лексические ограничения лёгкого глагола и акциональные свойства образованных сложных глаголов.

3. Данные²

3.1. Общие сведения

Как уже было упомянуто во введении, лёгкий глагол *pərak* — телесизатор, он образует предельные сложные глаголы, повторим контраст, приводимый ранее в (2):

(3) а. *vaçə avdan-a pər minut xoş-in-ǰe*
 Вася петух-ОВЖ 1 минута период-Р_3-ЛОС

pula-za pərak-r^j-ə
 душить-CV_SIM бросить-PST-3SG

‘Вася задушил петуха за минуту.’

б. **vaçə avdan-a pər minut xoş-i pula-za pərak-r^j-ə*
 Вася петух-ОВЖ 1 минута период-Р_3 душить-CV_SIM бросить-PST-3SG

Ожид. зн.: ‘Вася подушил петуха минуту.’

² Все примеры были собраны методом элицитации: мы либо просили консультанта перевести русское предложение на чувашский, либо конструировали чувашский стимул и просили консультанта оценить его приемлемость и, в случае положительной оценки стимула, перевести его на русский язык.

Если чувашский стимул был оценён как минимум 3 носителями как грамматичный, мы работали с ним как с грамматичным примером. В некоторых случаях предложение принималось большинством носителей, но не всеми, в таких случаях иногда используется обозначение вида ^{x/y}, где x — количество носителей, признавших пример грамматичным, а y — общее количество опрошенных носителей.

Прочие обозначения: * — предложение грамматически неприемлемо, # — предложение прагматически неприемлемо, ? — предложение приемлемо, но не совсем естественно, % — предложение приемлемо для части носителей, ^{OK} — предложение грамматично (используется только при контрасте с *).

Лёгкий глагол *pərak* сочетается с двумя группами лексических глаголов — состояниями (4b) и переходными процессами (4a), но не сочетается с непереходными процессами, как в (4c):

- (4) a. *vaʕə tarelkə jori ʕəmər-ze pərak-r^j-ə*
 Вася тарелка специально ломать-CV_SIM бросить-PST-3SG
 ‘Вася специально **разбил** тарелку.’
- b. *vaʕə daʕ-a jorat-sa pərak-r^j-ə*
 Вася Даша-ОБЖ любить-CV_SIM бросить-PST-3SG
 ‘Вася **полюбил** Дашу.’
- c. **pørt ʕon-za pərak-r^j-ə*
 дом гореть-CV_SIM бросить-PST-3SG
 Ожид. зн.: ‘Дом **сгорел**.’

Дальнейшие обобщения касательно семантических особенностей лёгкого глагола *pərak* и его селективных ограничений будут касаться только контекстов типа (4a), то есть сложных глаголов от переходных процессов.

3.2. Затронутость объекта

В сочетании с непредельными процессами лёгкий глагол *pərak* проявляет чувствительность к степени затронутости объекта лексического глагола. Параметр затронутости используется в работах по лексической семантике, аргументной структуре и переходности глагола, см., например, [Fillmore 1968, Dowty 1991; Hopper, Thompson 1980]. Само понятие затронутости, однако, в большинстве работ определяется достаточно абстрактно и нестрого как степень полноты вовлечения объекта в событие. Решение этой проблемы было предложено в статье [Beavers 2011], в которой автор даёт затронутости следующее формальное определение:

- (5) Актант *x* затронут тогда и только тогда, когда существует событие *e* и шкала некоторого свойства *s* такие, что *x* достигает нового состояния на шкале *s* путём инкрементального, абстрактного движения по *s*.³

Сравнивая различные явления, в которых затронутость выступает в качестве селективного ограничения, Биверс приходит к выводу, что затрону-

³ An argument *x* is affected iff there is an event *e* and a property scale *s* such that *x* reaches a new state on *s* through incremental, abstract motion along *s* [Beavers 2011: 3].

тость — градуальный параметр, у которого могут быть большие или меньшие степени:

- (6) Степень затронутости x определяется тем, насколько предикат определён относительно того, в какой точке на шкале s заканчивается изменение состояния x .⁴

Основываясь на принципе (6), Биверс [Beavers 2011: 21] вводит шкалу затронутости, состоящую из четырёх степеней:

- (7) a. x undergoes a quantized change iff $\varphi \rightarrow \exists e \exists s [\text{result}'(x, s, g\varphi, e)]$
(e.g. accomplishments/achievements: break, shatter, destroy, devour x)
- b. x undergoes a non-quantized change iff $\varphi \rightarrow \exists e \exists s \exists g [\text{result}'(x, s, g, e)]$
(e.g. degree achievements/cutting: widen, lengthen, cut, slice x)
- c. x has potential for change iff $\varphi \rightarrow \exists e \exists s \exists \theta [\theta(x, s, e)]$
(e.g. surface contact/impact: wipe, scrub, rub, punch, hit, kick, slap x)
- d. x is unspecified for change iff $\varphi \rightarrow \exists e \exists \theta [\theta(x, e)]$
(e.g. all others: see, smell, follow, play (as children), ponder x)

Остановимся подробнее на каждой из степеней затронутости. Так, наверху шкалы находятся предикаты класса (7a), описывающие квантованное изменение состояния объекта. Глаголы этой группы выделяются тем, что задают в своей семантике специфическую конечную точку изменения состояния объекта. Так, например, глагол *break* ‘сломать, разбить’ описывает процесс изменения состояния объекта, достигающий предела в конкретный момент — когда на объекте появляются следы повреждения. Похожее рассуждение, по-видимому, справедливо и для глаголов типа *shatter* ‘разбить’, *destroy* ‘уничтожить’ и *devour* ‘пожирать’ — все они описывают некоторый процесс изменения состояния объекта, стремящийся к конкретной конечной точке.

Следующий класс глаголов — глаголы класса (7b), описывающие не-квантованное изменение состояния объекта — отличается от глаголов класса (7a) тем, что изменение состояния объекта не ограничено специфическим пределом. Рассмотрим в качестве примера предложение (8):

⁴ How affected x is corresponds to how specific the predicate is about where x ends up on s [Beavers 2011: 3].

(8) *I lengthened the scarf.*

‘Я удлинил шарф.’

Так, (8) может описывать массу разных событий удлинения шарфа: говорящий мог удлинить шарф как на 5 или 10 сантиметров, так и на 20 или 30 сантиметров — в любом случае эти ситуации будут удовлетворять условиям истинности предиката *lengthen the scarf*. Отсутствие конкретной конечной точки, специфицированной в семантике глагола, делает такие глаголы некантованными в понимании Биверса: так, любая собственная часть события, входящего в экстенционал предиката *lengthen the scarf* ‘удлинить шарф’ будет также удовлетворять условиям истинности этого предиката, поскольку для этого достаточно, чтобы изменение состояния объекта произошло **хотя бы до какой-то** степени. Основную массу глаголов класса (7b), таким образом, составляют градативы, или *degree achievements*, такие как *lengthen* ‘удлинять’, *dry* ‘сушить’, *widen* ‘расширять’ и др.

Несмотря на отличия с точки зрения специфичности относительно точки кульминации события, глаголы классов (7a) и (7b) объединяет между собой то, что они описывают события, в ходе которых объект обязательно претерпевает изменение состояния. Это отличает их от глаголов с меньшей степенью затронутости объекта, принадлежащим к классам (7c) и (7d). Так, глаголы класса (7c) описывают события, в ходе которых может произойти изменение состояния объекта, но это только один из возможных исходов. Рассмотрим предложение (9):

(9) *John kicked the dog.*

‘Джон пнул собаку.’

Так, событие, описываемое в (9), может привести к тому, что собака изменит своё состояние, например, пинок окажет на неё деструктивный эффект или переместит её в пространстве. Однако возможен и альтернативный исход, в котором в ходе пинка с собакой ничего не происходит, кроме контакта с ногой Джона. Таким образом, в класс затронутости (7c) попадают глаголы типа *kick* ‘пнуть’, *wipe* ‘протереть’, *hit* ‘ударить’ и др., описывающие события с потенциальным, но не обязательным изменением состояния объекта.

Наконец, глаголы класса затронутости (7d) отличаются от глаголов с большей степенью затронутости тем, что их семантика вообще не предполагает изменение состояния объекта, даже в качестве потенциального исхода. Рассмотрим пример (10):

- (10) *John read the book.*
 ‘Джон прочитал книгу.’

Предложение (10) описывает событие, завершающееся в тот момент, когда книга прочитана. Несмотря на то, что книга необходимым образом вовлечена в процесс как предмет чтения, она никак физически не изменится и не должна измениться в ходе процесса — во всяком случае, сам по себе процесс чтения этого не предполагает. Так устроены глаголы типа *read* ‘читать’, *smell* ‘нюхать’, *follow* ‘преследовать’ и др., описывающие события, в ходе которых объект не претерпевает изменения состояния.

Степень затронутости объекта лексического глагола оказывается ключевым параметром, определяющим селективные и семантические ограничения лёгкого глагола *pərak*, а именно можно сформулировать следующие обобщения:

- (11) а. Лёгкий глагол *pərak* сочетается только с такими лексическими глаголами, в комбинации с которыми возможно образовать сложный глагол, описывающий квантованное изменение состояния объекта.
- б. Лёгкий глагол *pərak* образует сложные глаголы, описывающие квантованное изменение состояния объекта.

Так, лёгкий глагол *pərak* не сочетается или сочетается очень плохо с глаголами класса затронутости D, не предполагающими изменение состояния объекта, см. примеры в (12):

- (12) а. **vaʒə jor-a etle-ze pərak-rʲ-ə*
 Вася песня-ОБЛ слушать-CV_SIM бросить-PST-3SG
 Ожид. зн.: ‘Вася **прослушал** песню.’
- б. *ʔvaʒə piʒmo vula-za pərak-rʲ-ə*
 Вася письмо читать-CV_SIM бросить-PST-3SG
 ‘Вася **прочитал** письмо.’

С глаголами класса затронутости С лёгкий глагол сочетается лексически ограниченно, однако во всех случаях, когда *pərak* допустим, он образует сложный глагол со значением затронутости объекта, вхождения его в некоторое состояние:

- (13) a. *vaʃə petʲ-a ʃap-sa pərak-rʲ-ə*
 Вася Петя-ОВЈ ударить-CV_SIM бросить-PST-3SG
 ‘Вася ударил Петю (и Петя пострадал от этого).’
- b. *vaʃə-a ěne tĕk-se pərak-rʲ-ə*
 Вася-ОВЈ корова толкать-CV_SIM бросить-PST-3SG
 ‘Васю забодала корова.’
- c. **jidə petʲ-a ʃirt-sa pərak-rʲ-ə*
 пёс Петя-ОВЈ кусать-CV_SIM бросить-PST-3SG
 Ожид. зн.: ‘Пёс искусал Петю.’
- d. *%pʲil xortʃ-ə vaʃə sək-sa pərak-rʲ-ə*
 мёд пчела-Р_3 Вася ужалить-CV_SIM бросить-PST-3SG
 ‘Пчела ужалила Васю.’

Так, например, предложение (13а) описывает событие, обязательно приводящее к некоторому деструктивному эффекту на объекте. Этим семантика сложного глагола *ʃapsa pərak* отличается от поведения лексического глагола *ʃap* ‘ударить’, который, как и ожидается от глаголов класса затронутости С, не предполагает обязательное изменение состояния пациента, см. контраст в (14):

- (14) a. *vaʃə petʲ-a ʃap-sa*
 Вася Петя-ОВЈ ударить-CV_SIM
 ‘Вася ударил Петю.’
- b. *vaʃə petʲ-a ʃap-sa pərak-rʲ-ə*
 Вася Петя-ОВЈ ударить-CV_SIM бросить-PST-3SG
 ‘Вася ударил Петю (и тот как-то пострадал от этого).’ (= (13а))

Селективные ограничения, определяющие приемлемость примеров типа (13а–b) и проблематичность примеров типа (13с–d), пока не определены и требуют дополнительного изучения. На основании примеров выше можно предположить, что лёгкий глагол *pərak* сочетается только с такими глаголами класса затронутости С, которые предполагают не просто деструктивный эффект на объекте, а его падение, потерю равновесия. Это ограничение, если оно верно, может проистекать из лексического значения *pərak*, поскольку ситуация бросания предполагает падение объекта. Однако на настоящем этапе исследования мы не можем с уверенностью говорить о валидности этой рабочей гипотезы.

В сочетании с глаголами класса затронутости В, в первую очередь с градативами, лёгкий глагол *pərak* образует сложные глаголы с эксцессивным значением (действие развивается сверх меры):

(15) a. *vaçə* *çuç-n-e* ??(*itla*) *tibët-se* *pərak-r^j-ə*
 Вася волосы-Р_З-ОВЛ слишком сушить-CV_SIM бросить-PST-3SG
 ‘Вася **пересушил** волосы.’

b. *vaçə* *şa* ??(*itla*) *əzət-sa* *pərak-r^j-ə*
 Вася вода.ОВЛ слишком греть-CV_SIM бросить-PST-3SG
 ‘Вася **перегрел** воду.’

Так, предложения (15) описывают ситуации, в которых изменение состояния объекта по некоторой шкале происходит больше ожидаемого. Интересно отметить, что для таких сложных глаголов принципиально употребление наречия *itla* ‘слишком’, без него или — по предварительным данным — другого эксплицитного указания на конкретную меру изменения состояния объекта употребление *pərak* затруднено, что также говорит в пользу того, что лёгкий глагол проявляет чувствительность к квантованности в понимании Биверса.

Наконец, в сочетании с глаголами класса А *pərak* образует сложные глаголы без каких-либо значимых эффектов с точки зрения затронутости:

(16) a. *vaçə* *oraba-ja* *joza-za* *pərak-r^j-ə*
 Вася телега-ОВЛ чинить-CV_SIM бросить-PST-3SG
 ‘Вася (быстро) **починил** телегу.’

b. *vaçə* *fajl-a* *kəlar-za* *pərak-r^j-ə*
 Вася файл-ОВЛ выставить-CV_SIM бросить-PST-3SG
 ‘Вася **удалил** файл.’

c. ^{4/5}*vəl* *tëndze-je* *oləştar-za* *pərak-r^j-ə*
 он мир-ОВЛ изменить-CV_SIM бросить-PST-3SG
 ‘Он **изменил** мир.’

Поведение телесизатора *pərak* в сочетании с лексическими глаголами разной степени затронутости можно резюмировать в виде следующей таблицы:

Таблица 1. Поведение телесизатора *pərak*
в сочетании с лексическими глаголами разной степени затронутости

Степень затронутости по [Beavers 2011]	Значение сложного глагола с <i>pərak</i>	
Квантованное изменение состояния объекта	Точка кульминации	
Неквантованное изменение состояния объекта	Экссессив, изменение состояния сверх меры	
Событие, потенциально изменяющее состояние объекта	Изменение состояния объекта до некоторой серьёзной степени	
Отсутствие подразумеваемого изменения состояния		

Интересно, что способность лексического глагола образовать сложный глагол, относящийся к классу затронутости А, является необходимым, но, по всей видимости, не достаточным условием для сочетаемости с *pərak*. Так, согласно нашим данным, лёгкий глагол имеет некоторые проблемы в сочетаемости с такими глаголами максимальной затронутости, как, например, *ëç* ‘пить’, *çi* ‘есть’, *yger* ‘рисовать’, см. пример (17):

- (17) **vaçə* *ʂa* *ëç-se* *pərak-rʲ-ə*
 Вася вода.OBJ пить-CV_SIM бросить-PST-3SG
 Ожид. зн.: ‘Вася **выпил** воду.’

Эти глаголы не сочетаются с *pərak* в нулевом контексте, однако их приемлемость может быть улучшена с помощью аккомодации специфического контекста — контрастивности события, о котором пойдёт речь в следующем разделе.

3.3. Контрастивность события

Итак, как было замечено в предыдущем разделе, лёгкий глагол *pərak* в сочетании по крайней мере с некоторыми глаголами оказывается чувствителен к контексту. Рассмотрим пример (18):

- (18) *Нулевой контекст (ср. (17)).

^{OK}Контекст. Васе предстоит операция, и ему нельзя пить воду. Но он её всё-таки выпивает.

- vaçə* *ʂa* *ëç-se* *pərak-rʲ-ə*
 Вася вода.OBJ пить-CV_SIM бросить-PST-3SG
 ‘Вася **выпил** воду.’

Так, неграмматичное в нулевом контексте предложение (18) становится приемлемым, если навести специфический контекст, в котором выпивание воды становится ненормальным. Тот же эффект достигается в примере (19), который уже сам по себе предполагает некоторое выделяющееся событие:

- (19) ^{3/4}*vaʃə* *nargəməʃ* *ëʃ-se* *pərak-rʲ-ə*
 Вася яд пить-CV_SIM бросить-PST-3SG
 ‘Вася **выпил** яд.’

Какие именно требования к контексту предъявляет *pərak* в таких случаях? В докладе по [Голосов 2019a] было предположено, что лёгкий глагол требует случайности, ненамеренности действия, как в (20):

- (20) a. *vaʃə* *petʲ-a* *podar-za* *pərak-rʲ-ə*
 Вася Петя-ОБЪ утопить-CV_SIM бросить-PST-3SG
 ‘Вася **утопил** Петю (случайно столкнул его).’

- b. [?]*vaʃə* *ʃərbe* *pəzər-ze* *pərak-rʲ-ə*
 Вася суп готовить-CV_SIM бросить-PST-3SG
 ‘Вася **ненароком приготовил** суп (вместо другого блюда).’

На первый взгляд такой анализ можно распространить и на примеры в (20): действительно, в нулевом контексте говорить о том, что Вася случайно выпил воду, прагматически странно — другое дело, если он по невнимательности выпил воду вопреки рекомендациям врачей или по ошибке выпил яд. Однако, согласно нашим данным, *pərak* допустим и в контекстах, в которых эксплицитно указывается на намеренность действий агенса:

- (21) a. *vaʃə* *tarelkə* *jori* *ʃəmër-ze* *pərak-rʲ-ə*
 Вася тарелка специально разбить-CV_SIM бросить-PST-3SG
 ‘Вася **специально** разбил тарелку.’ (= (4a))

- b. *vaʃə* *avdan-a* *jori* *pula-za* *pərak-rʲ-ə*
 Вася петух-ОБЪ специально душисть-CV_SIM бросить-PST-3SG
 ‘Вася **преднамеренно** задушил петуха.’

Таким образом, если у лёгкого глагола *pərak* и есть какое-то общее требование к контексту, оно заключается не в случайности. Наше предположение состоит в том, что на самом деле телисизатор используется в контекстах, когда событие оказывается неожиданным, идущим вразрез с естественным, дефолтным ходом вещей (именно это значение мы имеем в виду, когда говорим о **контрастивности** события).

Такой анализ правильно предсказывает поведение примера (18): действительно, обычно в том, чтобы выпить воду, нет ничего удивительного, это совершенно ожидаемое повседневное событие, однако оно становится контрастивным, если аккомодировать контекст, в котором пить воду не положено. Аналогичным образом объясняется и пример (20b): в нулевом контексте приготовление супа — процесс, не противоречащий никаким ожиданиям, но он становится таковым, если планировалось приготовить другое блюдо. При этом примеры типа (21) не противоречат такому обобщению: Вася мог действовать специально, но неожиданно, более того, разбить тарелку и придушить петуха — действия, явно противоречащие естественному, нормальному ходу событий.

Другой аргумент в пользу такого анализа состоит в том, что по крайней мере некоторые глаголы уничтожения, такие как *vëler* ‘убить’, в нулевом контексте хорошо сочетающиеся с лёгким глаголом *pərak*, оказываются менее приемлемы для некоторых носителей в контекстах как в (22):

(22) Контекст: Убийство преступников на казни — обычная, «рутинная» работа для палача. Сегодня палач казнил очередного преступника.

^{#?}*palatɕ* *prestupnig-a* *vëler-ze* *pərak-r^j-ə*
 палач преступник-ОВJ убить-CV_SIM бросить-PST-3SG
 ‘Палач казнил преступника.’

Так, обычно неестественное, выделяющееся на фоне других событие убийства становится ожидаемым и, если так можно выразиться, «повседневным» в контексте работы палача. Некоторые из опрошенных носителей замечали, что такое предложение всё же можно сказать, если палач казнил преступника раньше, чем планировал, или более мастерски, чем обычно это делает. Отметим, что такие попытки «спасти» пример (22) только подтверждают наше предположение: они направлены на то, чтобы представить событие убийства как противоречащее их ожиданиям.

Ещё один косвенный аргумент в пользу нашего анализа основывается на поведении лексического глагола *sekter* ‘лопнуть’ в сочетании с *pərak*. Так, несмотря на то что этот глагол относится к классу затронутости А и может описывать незапланированные события, он плохо сочетается с лёгким глаголом:

(23) ^{2/5}*vaɕə* *ɕarig-a* *sek-ter-ze* *pərak-r^j-ə*
 Вася шарик-ОВJ лопнуть-CAUS-CV_SIM бросить-PST-3SG
 ‘Вася лопнул шарик.’

Согласно нашему предположению, неестественность примера (23) для большинства носителей заключается в том, что лопанье шарика является слишком незначительным событием для того, чтобы нарушить естественный ход вещей. Мы вернёмся к этой мысли в анализе, а пока отметим то, что двое носителей, которые всё же сочли предложение (23) приемлемым, указали на то, что событие было неожиданным для говорящего. Это можно рассматривать как косвенное указание на то, что, если уж говорящий счёл событие в (23) «достойным внимания», оно представляется для него неожиданным.

Перед тем, как перейти к следующему разделу, отметим, что, согласно предварительным данным, глаголы класса затронутости D не сочетаются с *pərak* на том же уровне приемлемости, что и глаголы других классов, даже в том случае, если описываемое событие удовлетворяет требованиям контрастивности, как в (24), ср. также (12b):

(24) Контекст: у Маши есть секретное письмо, и Васю попросили не читать его. Но он всё-таки прочитал.

??*vaʃə pʲɪʃto-nʲ-a vula-za pərak-rʲ-ə*
 Вася письмо-P_3-OBJ читать-CV_SIM бросить-PST-3SG
 ‘Вася прочитал письмо.’

3.4. Данные: обобщения

Итак, лёгкий глагол *pərak* грамматикализовался в акциональный модификатор, образующий предельные сложные глаголы в сочетании с состояниями и с некоторыми переходными процессами. Как минимум в последнем случае *pərak* накладывает требования на затронутость объекта и на контрастивность описываемого события. В следующем разделе мы предложим намётки формального анализа сложных глаголов с *pərak*, предсказывающего селективные ограничения телисизатора и его семантику.

4. Анализ

4.1. Введение во фреймворк: синтаксис первой фазы

Фреймворк, в рамках которого мы собираемся предложить анализ сложных глаголов с *pərak* — это синтаксис первой фазы [Ramchand 2008a]. Это формальная теория акциональной декомпозиции, согласно которой структура события глагола представлена в синтаксисе в виде некоторого набора

из 3 событийных вершин: *init*, ответственной за каузирующее событие, *proc*, вводящей подсобытие изменения состояния и/или процесса, и *res*, ответственной за результирующее состояние. У каждой из вершин есть спецификаторы, соответствующие основным участникам события: у *init* это Инициатор — участник-источник каузирующей деятельности, у *proc* это Претерпевающий — участник, вовлечённый в процесс и/или изменяющий состояние в ходе события, а у *res* это Носитель результирующего состояния. Комплементами вершин выступают каузально зависимые от них событийные группы (так, комплементом *init* обычно выступает *procP*, а комплементом *proc* — *resP*) или несобытийные аргументы, некоторым образом влияющие на акциональные свойства предиката. Максимальную проекцию синтаксиса первой фазы можно видеть на следующем рисунке:

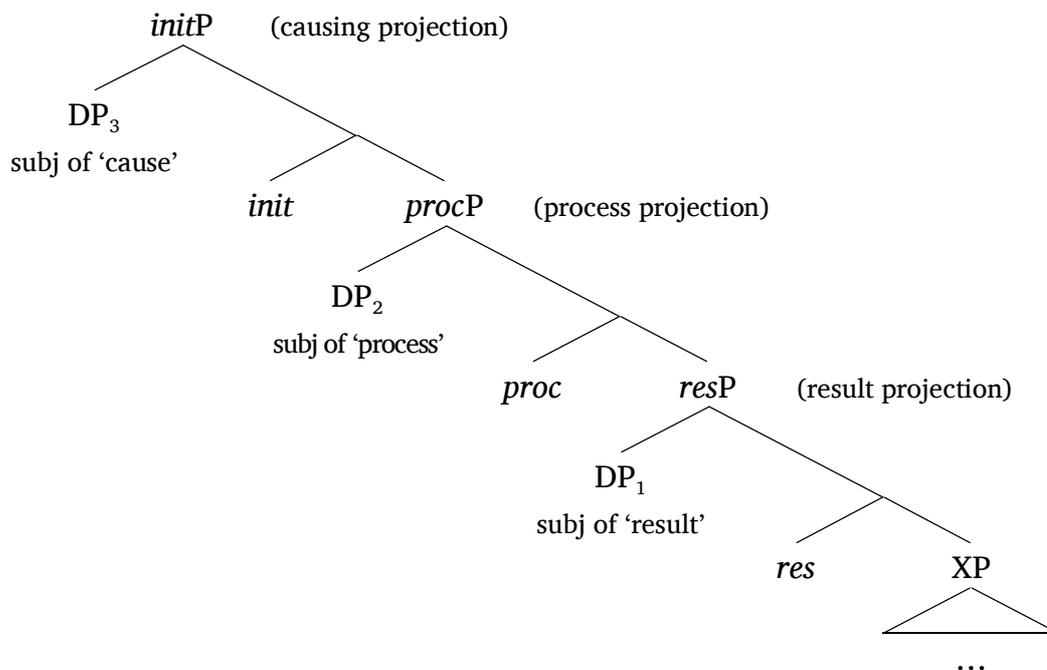

Рисунок 1. Синтаксис первой фазы [Ramchand 2008: 46]

В рамках настоящей статьи у нас нет возможности подробно разобрать общее устройство синтаксиса первой фазы, поэтому мы отсылаем читателя к первоисточнику. Отметим лишь, что, в отличие от классического генеративизма, в синтаксисе первой фазы семантические роли аргументов глагола не распределяются биективно по разным именованным группам, а могут «наслаиваться» друг на друга. Так, например, единственный аргумент глагола *arrive* ‘прибыть’ в ходе деривации получает сложную семантическую роль Инициатора-Претерпевающего-Носителя результирующего со-

стояния, поскольку референт соответствующей ИГ является одновременно и (само)каузатором процесса, и участником, изменяющим своё положение в пространстве. Соответственно, ключевыми параметрами вариативности в структуре события у разных глаголов являются набор подсобытий и распределение семантических ролей между участниками события. Так, например, неаккузативы отличаются от неэргативов тем, что вершину *init* проецируют только последние, а неэргативы отличаются от транзитивов в общем случае тем, что у первых роли Претерпевающего и Инициатора получает одна и та же ИГ, а у вторых — нет.

Синтаксис первой фазы является удачным инструментом для анализа различных структурно-событийных языковых явлений, в частности, он широко используется в работах, посвящённых синтаксису и семантике сложных предикатов в индоарийских языках [Ramchand 2008a; Ramchand 2008b; Ozarkar, Ramchand 2018] и языках Поволжья [Голосов 2019b; Golosov (in print); Kashkin, Dyachkov 2018]. В рамках этой теории лёгкие глаголы — это такие глаголы, которые утратили лексический компонент своего значения, но сохранили некоторым образом структуру события, и именно она определяет их селективные ограничения и акциональные свойства образуемых сложных глаголов.

В рамках нашего анализа мы примем допущение, согласно которому группа лексического глагола выступает компонентом самой низкой событийной вершины лёгкого глагола (в нашем случае это будет *res*), как это было сделано в рамках анализа сложных глаголов языка маратхи в работе [Ozarkar, Ramchand 2018], а объединение экстенсионалов двух глагольных групп происходит с помощью такой семантической операции, как обобщённая идентификация событий [Татевосов, Киселёва 2019], к которой мы ещё вернёмся в анализе.

Таким образом, исходя из предположения, что селективные ограничения и семантика сложного глагола обусловлены структурой события лёгкого глагола, мы попробуем определить его набор подсобытий и распределение семантических ролей по аргументам с помощью данных, рассмотренных в предыдущем разделе.

4.2. Структура события лёгкого глагола *pərak*

Итак, то, что лёгкий глагол *pərak* сочетается только с переходными процессами и притом образует сложные глаголы с затронутым объектом, в рамках синтаксиса первой фазы можно объяснить только тем, что в его

структуре события есть событийные вершины *init* и *proc*, причём семантические роли Инициатора и Претерпевающего обязательно присваиваются разным именованным группам.

Следующий вопрос заключается в том, есть ли у *pərak* в структуре события результирующее состояние. Несмотря на то, что в теории синтаксиса первой фазы *res* не является единственным источником предельной интерпретации [Ramchand 2008; Лютикова и др. 2006], только наличие этой вершины в структуре события может обуславливать её обязательность, см. рассуждение в [Лютикова и др. 2006]. Таким образом, структура сложного глагола с *pərak* может быть представлена в виде следующего дерева:

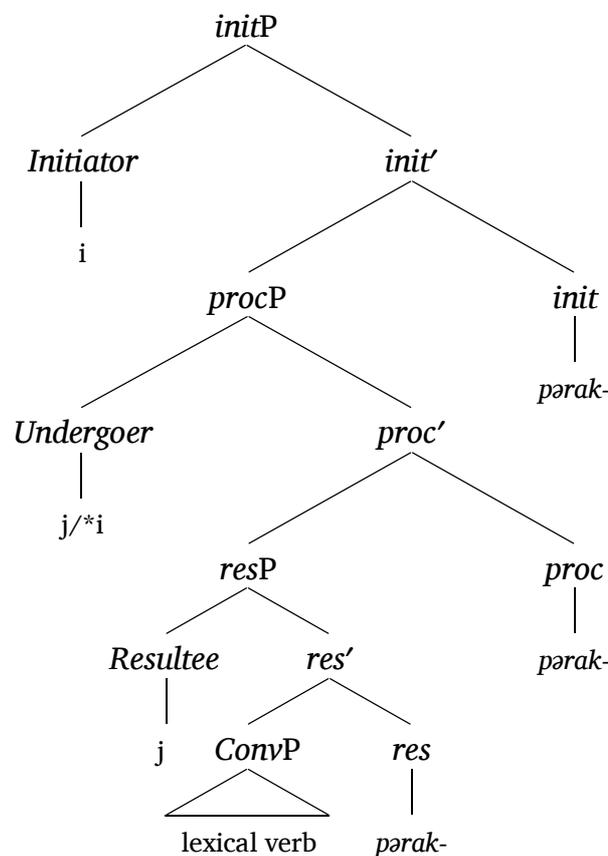

Рисунок 2. Структура события сложного глагола с *pərak*

К сожалению, в рамках этой статьи мы не имеем возможности подробно объяснить все технические детали деривации сложного глагола, поэтому обрисуем лишь основные фрагменты. Так, аргументы лексического глагола передвигаются в соответствующие аргументные позиции лёгкого глагола, а семантическое объединение происходит с помощью операции обобщённой идентификации событий, предложенной в [Татевосов, Киселева 2019].

Не имея желания нагружать читателя формальными деталями этой операции, перескажем общую идею: в ходе деривации экстенционалы групп лексического и лёгкого глаголов пересекаются. Так, например, значение сложного глагола *jozaza p̄arak* ‘починить’ образуется с помощью пересечения множества ситуаций, удовлетворяющих условиям истинности глагола *joza* ‘чинить’, и множества ситуаций, удовлетворяющих событийному шаблону *p̄arak*: ‘Инициатор скаузировавшего Претерпевающего превратиться в Носителя некоторого результирующего состояния’. В результате *jozaza p̄arak* значит ‘заставить Претерпевающего путём починки войти в состояние починенности’, то есть, собственно, ‘починить’.

Синтаксическое дерево на рисунке 2 правильно предсказывает, что лёгкий глагол *p̄arak* может сочетаться только с переходными процессами и образует предельные сложные глаголы, описывающие изменение состояния объекта. Однако акциональная семантика телисизатора несколько сложнее: *p̄arak* описывает не просто изменение состояния объекта — оно должно быть квантованным в терминологии Биверса.

По всей видимости, решение этой проблемы состоит в том, чтобы дать более строгую семантику для событийной вершины *res*. На настоящем этапе исследования у нас есть две возможных теории того, как эта семантика должна быть устроена.

Первая гипотеза состоит в следующем. Следуя анализу горномарийского лёгкого глагола *ʒuaʒ* ‘бросить’ в [Голосов 2019b], можно предположить, что событийная вершина *res* телисизатора *p̄arak* вводит состояние локальной исчерпанности: объект входит в такое состояние, на протяжении которого с ним невозможно повторно совершить действие, описываемое сложным глаголом.

Такое предположение согласуется с тем, как *p̄arak* ведёт себя с глаголами разной степени затронутости. Так, лексические глаголы класса затронутости D, такие как *etle* ‘слушать’ и *vula* ‘читать’, не описывают изменения состояния в принципе, и, как следствие, объект не входит в состояние локальной исчерпанности: книга по прочтении по-прежнему может быть прочитана, а песня может быть заново прослушана.

Лексические глаголы класса затронутости C, такие как *ɕap* ‘ударить’ или *tëk* ‘боднуть’, описывают событие с потенциалом к изменению состояния, однако требование *p̄arak* на локальную исчерпанность объекта сужает экстенционал этих предикатов до таких событий, в которых пациент получил серьёзный деструктивный эффект, например, умер или потерял сознание или равновесие.

Лексические глаголы класса затронутости В, такие как *əzət* ‘греть’ и *tibët* ‘сушить’, предсказуемо получают эксцессивное значение как способ достичь локальной исчерпанности. Так, если Вася **нагрел** воду, в каких-то случаях он может нагреть её ещё раз, однако если он **перегрел** воду, то он не сможет перегреть воду до тех пор, пока она не остынет, то есть не выйдет из состояния локальной исчерпанности.

Наконец, лексические глаголы класса затронутости А в большинстве своём устроены так, как требует *pərak*, поскольку описывают вхождение в специфическое состояние, войдя в которое, объект не может в том же смысле изменить своё состояние ещё раз. Так, например, если Вася задушил петуха, он не может повторить это действие над тем же объектом, так как петух умер и не может потерять жизнь заново. То же самое верно, например, для *joza* ‘починить’: если телега починена, то её нельзя починить ещё раз, пока она не сломается.

Проблемными для этой теории являются контексты типа (25) (= (16с)):

- (25) ^{4/5}*vəl* *tëndže-je* *olaštär-za* *pərak-rⁱ-ə*
 он мир-OBJ изменить-CV_SIM бросить-PST-3SG
 ‘Он **изменил** мир.’

Так, в (25) описывается ситуация изменения мира, которая, строго говоря, не должна приводить к его локальной исчерпанности: мир не теряет способность изменяться дальше даже на время. Возможно, в (25) имеется в виду, что мир изменился настолько, что его можно считать другим объектом, и в таком случае мы просто теряем доступ к исходному референту, как в случае с разбитой чашкой.

В этом месте более удачной оказывается другая гипотеза о семантике событийной вершины *res* лёгкого глагола *pərak*, которая, однако, несколько теряет в строгости по сравнению с предыдущей: лёгкий глагол требует, чтобы объект изменил своё состояние до некоторой контекстно релевантной максимальной степени. Такая теория, по всей видимости, в большинстве случаев делает те же предсказания, что и теория локальной исчерпанности, поскольку достижение максимальной степени на шкале предполагает, что дальше изменять состояние некуда. Однако теория максимальной степени не вступает в такое явное противоречие с примерами типа (25), поскольку можно, например, изменить мир полностью, во всех аспектах.

На настоящий момент не представляется возможным отдать предпочтение одной из гипотез, поскольку в большинстве случаев они делают одинаковые предсказания. Для того, чтобы чётко развести две теории между собой, необходимо проверить, приемлем ли *pərak* в контекстах вроде ‘Вася приоткрыл окно’, в которых изменение состояния приводит к локальной исчерпанности (окно нельзя открыть ещё раз, пока оно открыто), но при этом степень изменения состояния не максимальная (окно открыто не до конца).

Итак, на настоящий момент наш анализ до некоторой степени справляется с тем, чтобы предсказать чувствительность *pərak* к таким параметрам, как предельная интерпретация сложного глагола, переходность лексического глагола и квантованность изменения состояния объекта в понимании Биверса. Нам осталось представить последний фрагмент анализа, предсказывающий ещё одно свойство телесизатора — его чувствительность к контрастивности события.

4.3. Анализ семантики контрастивности

Чувствительность *pərak* к тому, чтобы описываемое сложным глаголом событие оказывалось неожиданным с точки зрения естественного хода вещей, сближает его с русской конструкцией *взять и сделать*, см. пример (26):

(26) *Вася взял и машину купил.* [Стойнова 2007: 187]

В работе [Стойнова 2007] предлагается следующее толкование для этой конструкции:

(27) Ситуация резко изменяет естественный ход предшествующих событий, нарушая ожидания относительно дальнейшего развития событий. [ibid: 159]

Как кажется, такое толкование подходит и для чувашских данных, как мы постарались показать в предыдущем разделе. Однако оно слишком нестрогое: так, не совсем понятно, что значит «естественный ход предшествующих событий». Можно ли предложить такую же семантику в более строгом виде?

В статье [Alonso-Ovalle, Hsieh 2017] рассматривается ещё одна языковая единица, поведение которой напоминает требования лёгкого глагола *pərak* к контрастивности события. Так, в тагальском языке есть специальная па-

радикала глагольных форм со значением «успешности действия или его произвольности»⁵ (далее AIA), см. минимальную пару из [Alonso-Ovalle, Hsieh 2017: 76], где нас прежде всего интересует (28b):

(28) a. *B <in> uks-an ni Lisa ang pinto.*
 <PFV.NTL> open-LV GEN Lisa NOM door
 ‘Lisa opened the door.’

b. *Na-buks-an ni Lisa ang pinto.*
 PFV.AIA-open-LV GEN Lisa NOM door
 ‘Lisa managed to open the door. / Lisa accidentally opened the door.’

Авторы предлагают для таких на первый взгляд разнородных значений успешности и произвольности действия общую интенциональную семантику, см. формулу (29) [Alonso-Ovalle, Hsieh 2017: 84]:

- (29) a. For any e, w , $[[aia VP]]^c(e)(w)$ is defined iff
- i. c makes available a causal structure C and a stereotypical ordering source S and,
 - ii. $C \rightarrow_{p_{VP}, w} \cup S_w \cup \{p_{VP}\}$ is an inconsistent set of propositions.
- b. If defined, $[[aia VP]]^c(e)(w) = 1$ iff $[[VP]]^c(e)(w) = 1$

Попробуем изложить содержание формулы более простым языком. Так, в (29a) заключена пресуппозиция глагольных групп с маркером AIA, накладывающая на контекст два требования. Во-первых, в контексте должна быть доступна каузальная структура C (некоторый набор факторов-пропозиций, оказывающих каузальное влияние на пропозицию P , описываемую VP) и множество пропозиций, соответствующих стереотипным ожиданиям говорящего относительно возможного развития событий. Во-вторых, пропозиция P , описываемая предикатом, должна вступать в противоречие со стереотипными ожиданиями говорящего и/или с набором каузально релевантных факторов.

Как кажется, анализ в (29) можно распространить и на сложные глаголы с *pɾak*. Рассмотрим, как такая семантика предсказывает разные контексты употребления лёгкого глагола. Так, понятно, почему пример (30) (= (18)) оказывается маргинален в нулевом контексте: по умолчанию пить

⁵ ‘Ability / involuntary action’ [Alonso-Ovalle, Hsieh 2017: 75].

воду — событие ожидаемое и вытекающее из базовых потребностей человека. Однако в контексте, когда Васе предстоит операция, питье воды входит в противоречие со стереотипными ожиданиями: нельзя пить воду, иначе будут проблемы с проведением операции.

(30) *Нулевой контекст.

^{OK}Контекст. Васе предстоит операция, и ему нельзя пить воду. Но он её всё-таки выпивает.

vaçə *şa* *ëç-se* *pərak-r^j-ə*
 Вася вода.OBJ пить-CV_SIM бросить-PST-3SG
 ‘Вася **выпил** воду.’

Напротив, глаголы уничтожения, такие как *vëler* ‘убить’ или *çëmër* ‘разбить’, обычно описывают события, противоречащие нашим ожиданиям, и, кроме того, обычно не предполагают каузальных факторов, ведущих к их свершению, поэтому семантика контрастивности в нулевом контексте в соответствующих сложных глаголах может быть почти незаметна. Однако ситуация меняется, если аккомодировать контекст, в котором убийство становится ожидаемым, обыденным событием и следует из естественного хода вещей — поэтому проблематичны примеры типа (31) (= (22)):

(31) Контекст: Убийство преступников на казни — обычная, «рутинная» работа для палача. Сегодня палач казнил очередного преступника.

^{#?}*palatç* *prestupnig-a* *vëler-ze* *pərak-r^j-ə*
 палач преступник-OBJ убить-CV_SIM бросить-PST-3SG
 ‘Палач **казнил** преступника.’

Наконец, спорная приемлемость примера (32) (= (23)) может объясняться тем, что описываемое событие оказывается настолько незначительным в картине мира говорящего, что относительно него не формируется никаких стереотипных ожиданий и тем самым нарушаются пресуппозиционные требования *pərak*:

(32) ^{2/5}*vaçə* *şarig-a* *sek-ter-ze* *pərak-r^j-ə*
 Вася шарик-OBJ лопнуть-CAUS-CV_SIM бросить-PST-3SG
 ‘Вася **лопнул** шарик.’

При этом предложение (32) приемлемо для части носителей, что, согласно нашему предположению, свидетельствует о том, что незначительность события — субъективный параметр, зависящий от мнения говоря-

щего. В пользу этого также говорят, например, реакции разных носителей на предложения со сложным глаголом *vëlerze pərak* 'убить' в случае, если объектом выступает комар: один из консультантов скептически заметил, что убийство комара является незначительным событием, которое не может затронуть чьих-либо чувств, в отличие, например, от убийства человека или домашнего животного, в то время как некоторые другие консультанты оценивали такие предложения как приемлемые и указывали на случайность или неожиданность события.

Перед тем, как перейти к выводам, выскажем свои соображения насчёт того, в каком месте в структуре семантика контрастивности вступает в деривацию. На этот вопрос у нас нет однозначного ответа, но исходя из чувствительности этого параметра к каузальным факторам события можно предположить, что контрастивность задана в семантике событийной вершины *init*. Косвенным аргументом в пользу такого анализа выступает устройство лексического источника телисизатора: глагол *pərak* 'бросить' обозначает событие с моментальной каузирующей стадией и потому не предполагает сколько-нибудь растянутой каузальной цепочки, см. русское *#Вася бросает камень уже несколько секунд*. Если это рассуждение верно, то можно предположить, что лёгкий глагол *pərak* сохранил своё требование к моментальности каузирующей стадии в виде семантики контрастивности. В противном случае можно предположить, что контрастивность включается в деривацию в некоторой функциональной вершине уже выше *vP*.

На этом раздел статьи, посвящённый анализу лёгкого глагола *pərak*, завершается, и мы переходим к общим выводам.

5. Выводы

Итак, мы установили, что чувашский глагол *pərak* 'бросить' грамматикализовался в акциональный модификатор, образующий предельные сложные глаголы от некоторых состояний и переходных процессов. В сочетании с последними лёгкий глагол проявляет чувствительность к параметру затронутости, образуя сложные глаголы, описывающие квантованное (в терминологии Биверса) изменение состояния объекта, и к параметру контрастивности, требуя от контекста, чтобы событие, описываемое сложным глаголом, противоречило ожиданиям говорящего или контекстно релевантным каузальным факторам.

Кроме того, мы предложили анализ сложных глаголов с *pṛak* и переходными процессами в рамках синтаксиса первой фазы, согласно которому описанные выше селективные ограничения телесизатора и его семантика объясняются его структурой события. Так, лёгкий глагол проецирует событийные вершины *init*, *proc* и *res*, причём семантические роли Инициатора и Претерпевающего приписываются разным ИГ, *res* вводит некоторые дополнительные требования к исчерпанности процесса, а *init* (или, возможно, функциональная вершина над *vP* лёгкого глагола) ответственна за семантику контрастивности. Эта структура служит своего рода селективным и семантическим фильтром для лексического глагола при его соединении с телесизатором.

Отметим, что перечисленные выше свойства лёгкого глагола в значительной степени сопоставимы с устройством его лексического источника. Так, лексический глагол *pṛak* сам переходный, сам описывает квантованное изменение состояния объекта и сам не предполагает длительного каузирующего подсобытия.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; AIA — форма со значением успешности/непроизвольности действия; CAUS — каузатив; CV_SIM — нейтральное деепричастие; GEN — генитив; LV — локативный залог; NOM — номинатив; NTL — нейтральная форма; LOC — локатив; OBJ — объектный падеж; P_X — посессив лица *x*; PFV — перфектив; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Ашмарин 1898 — Ашмарин Н.И. Материалы для исследования чувашского языка. Казань: Типо-литография Императорского университета. 1898. [Ashmarin N.I. Materialy dlya issledovaniya chuvashskogo yazyka [Materials for research of the Chuvash language]. Kazan': Tipo-litografiya Imperatorskogo universiteta. 1898.]
- Ашмарин 1923 — Ашмарин Н.И. Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. 2. Симбирск. 1923. [Ashmarin N.I. Opyt issledovaniya chuvashskogo sintaksisa [Chuvash syntax research experience]. V. 2. Simbirsk. 1923.]
- Голосов 2019а — Голосов Ф.В. Лёгкий глагол-деинкрементализатор: грамматикализация чувашского глагола *prak* 'бросить' // Шестнадцатая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов. Санкт-Петербург, 21–23 ноября 2019 г. СПб.: ИЛИ РАН. 2019. С. 25–28. [Golosov F.V. Legkii glagol-deinkrementalizator: grammatikalizatsiya chuvashskogo glagola *prak* 'brosit' [Deincrementalizing light verb: Grammaticalization of Chuvash verb *prak* 'throw']. Shestnadtsataya konferentsiya po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovatelei. Tezisy dokladov. Sankt-Peterburg, 21–23 Nov. 2019. SPb.: IIL RAN. 2019. P. 25–28.]

- Голосов 2019b — Голосов Ф.В. Грамматикализация глагола *šuaš* ‘бросить’: что осталось от бросков? // Типология морфосинтаксических параметров. 2019. Т. 2. Вып. 2. С. 54–78. [Golosov F.V. Grammatikalizatsiya glagola *šuaš* ‘brosit’: chto ostalos' ot broskov? [Grammaticalization of the verb *šuaš* ‘throw’: What is left of throws?]. Typology of morpho-syntactic parameters. 2019. V. 2. Iss. 2. P. 54–78.]
- Гращенко 2015 — Гращенко П.В. Тюркские конвербы и сериализация: синтаксис, семантика, грамматикализация. М.: Языки славянской культуры. 2015. [Grashchenkov P.V. Tyurkskie konverby i serializatsiya: sintaksis, semantika, grammatikalizatsiya [Turkic converbs and serialization: Syntax, semantics and grammaticalization]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. 2015.]
- Лебедев 2016 — Лебедев Э.Е. Акционсартовые значения сложнопредикативных аналитических форм в чувашском языке. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук. 2016. [Lebedev È.E. Aktsionsartovye znacheniya slozhnoverbal'nykh analiticheskikh form v chuvashskom yazyke [Actional meanings of the complex predicate analytic forms in Chuvash]. Cheboksary: Chuvashskii gosudarstvennyi institut gumanitarnykh nauk. 2016.]
- Лютикова и др. 2006 — Лютикова Е.А., Татевосов С.Г., Иванов М.Ю., Пазельская А.Г., Шлуинский А.Б. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М.: ИМЛИ РАН, 2006. [Lyutikova E.A., Tatevosov S.G., Ivanov M.Yu., Pazel'skaya A.G., Shluinskii A.B. Struktura sobytiya i semantika glagola v karachaevo-balkarskom yazyke [Event structure and verb semantics in Karachay-Balkar]. Moscow: IMLI RAN, 2006.]
- Стойнова 2007 — Стойнова Н.М. Конструкция *взять и сделать* в русском языке // Дудчук Ф.И., Ивлиева Н.В., Подобрываев А.В. (ред.). Структуры и интерпретации: работы молодых исследователей по теоретической и прикладной лингвистике. М.: Издательство Московского Университета, 2007. С. 144–171. [Stoinova N.M. Konstruktsiya *vzyat' i sdelat'* v russkom yazyke [Construction *vzyat' i sde'at'* in Russian]. Dudchuk F.I., Ivlieva N.V., Podobryaev A.V. (eds.). Struktury i interpretatsii: raboty molodykh issledovatelei po teoreticheskoi i prikladnoi lingvistike. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta, P. 144–171.]
- Татевосов, Киселева 2019 — Татевосов С.Г., Киселева К.Л. Идентификация событий в префиксально-постфиксальном словообразовании. Вестник Московского университета, Сер. 9, Филология, 2019 (1). С. 7–35. [Tatevosov S.G., Kiseleva K.L. Identifikatsiya sobytii v prefiksial'no-postfiksial'nom slovoobrazovanii [Event identification in the prefixal-postfixal derivations]. Vestnik Moskovskogo universiteta, Ser. 9, Philology, 2019 (1). P. 7–35.]
- Шлуинский 2006 — Шлуинский А.Б. Акциональность и аспектуальный показатель: конструкция со вспомогательным глаголом *il-* в чувашском языке. Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология, 2006 (1). С. 32–47. [Shluinskii A.B. Aktsional'nost' i aspektual'nyi pokazatel': konstruktsiya so vspomogatel'nyim glagolom *il-* v chuvashskom yazyke [Actionality and aspectual marker: Constructions with *il-* auxiliary in Chuvash.]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9, Philology, 2006 (1). P. 32–47.]
- Alonso-Ovalle, Hsieh 2017 — Alonso-Ovalle L., Hsieh H. Causes and expectations: On the interpretation of the Tagalog ability/involuntary action form. *Semantics and Linguistic Theory*. 2017. Vol. 27. P. 75–94.
- Beavers 2011 — Beavers J. On affectedness. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2011. 29(2). P. 335–370.
- Dowty 1991 — Dowty D. Thematic proto-roles and argument selection. *Language*. 1991. V. 67, Iss. 3. P. 547–619.
- Fillmore 1968 — Fillmore Ch.J. The case for case. Bach E., Harms R.T. (eds.). *Universals in Linguistic Theory*. New York: Holt. 1968. P. 1–90.

- Golosov (in press) — Golosov F. Event structure of the complex predicates with light verb *lart* ‘seat, put’ in Poshkart Chuvash. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. In press.
- Kashkin, Dyachkov 2018 — Kashkin E., Dyachkov, V. Complex verb constructions in Hill Mari: Semantics and event structure. 51st Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea, 29 August – 1 September 2018. Tallinn: Tallinn University, 2018. P. 129–130.
- Ozarkar, Ramchand 2018 — Ozarkar R., Ramchand G. Structure matching and structure building in Marathi complex predicates. *Journal of South Asian Linguistics*, 2018. Vol. 8. Iss. 1.
- Ramchand 2008a — Ramchand G. *Verb meaning and the lexicon: A first-phase syntax*. Cambridge: Cambridge University Press. 2008.
- Ramchand 2008b — Ramchand G. Lexical items in complex predications: Selection as underspecification. Svenonius P., Tolskaya I. (eds.). *Tromsø Working Papers on Language & Linguistics: Nordlyd 35, special issue on Complex Predication*, 2008. P. 115–141.

Статья поступила в редакцию 16.11.2020

The article was received on 16.11.2020

Голосов Фёдор Валентинович

стажёр-исследователь, лаборатория по формальным моделям в лингвистике, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Fedor Golosov

research assistant, Laboratory of Formal Models in Linguistics, National Research University Higher School of Economics

golosovfv@gmail.com